

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

1989. - 28 марта. - с. 6

«ВОТ ТАК ЖЕ ТАНЦЕВАЛИ МЫ...»

В этом году мир отмечает 100-летие со дня рождения выдающегося русского танцовщика Вацлава Нижинского.

Нижинский. Одно из самых блистательных и самых загадочных имен в истории балета. Его слава, популярность были огромны. Его неожиданно ранний уход со сцены, его судьба поразили современников. Истоки личной трагедии Нижинского связывали, в частности, и с отрывом от русской почвы, на которой он вырос.

Судьба не была милостива к Нижинскому. В 1911 году его, к тому времени уже знаменитого премьера, партнера Кшесинской и Преображенской, Павловой и Карсавиной, увольняют из Мариинского театра. Он покидает Россию с тем, чтобы уже никогда больше сюда не вернуться. Впереди его еще ждут триумфальные выступления: он будет ведущим танцовщиком Русских сезонов и труппы Русский балет Дягилева, публика многих стран, неистовствуя от восторга, встретит его выходя в «Карнавале» и «Шехеразаде», «Видении розы» и «Петрушке», «Нарциссе» и «Синем божьего». Критика развернет бурные споры по поводу его собственных постановок, еще не зная, что «Послеполуденный отдых фавна» или «Весна священная» во многом предвосхищают поиски балетного театра середины XX века. Нижинскому доведется еще стать и руководителем собственной труппы — в 1914 году он организует ее в Лондоне. Впрочем, вскоре откажется от этой идеи и снова вернется к Дягилеву. Все это будет. И на все судьба отведет ему ничтожно мало времени: всего каких-нибудь пять лет.

Сценическая карьера художника, подымавшего искусство мужского танца в балете на не-

досягаемую ранее высоту, оборвалась навсегда из-за тяжелого психического недуга. Он так и не вернулся к полноценной жизни. И все же...

Ему довелось увидеть, вспомнить, пережить заново дорогие сердцу мгновения. Летом 1945 года в разрушенной Вене пересеклись пути двух великих мастеров нашего столетия: Нижинского и Улановой. Случайная и поистине символическая встреча! Один являл собой легенду поколения уходящего, другая уже

была легендой нового времени. И оба они принадлежали к единой школе, оба развивали ее лучшие традиции, творили во славу русского балета.

Концерт Галины Улановой состоялся в театре «Ронахер». По воспоминаниям жены Нижинского Ромолы, Вацлав, как зачарованный, смотрел на сцену, энергично аплодировал после каждого номера. В его глазах светились восторг и понимание происходящего. Когда начался знаменитый Седьмой вальс из «Шопенианы», Нижинский вдруг наклонился к Ромоле и прошептал: «Смотри, смотри, вот так же танцевали мы с Тамарой (Карсавиной. — Ред.)...».

Вспоминает Галина Сергеевна Уланова:

— Мы давали бесплатные концерты в Вене: приехали туда первым послевоенным летом. Это была небольшая группа музыкантов, певцов и две балетные пары. После одного из вечерних концертов мы переоделись и вышли в небольшую комнату за сценой, ожидая машину, которая должна была отвезти нас в гостиницу. И вдруг мы увидели Ромолу Нижинскую. Она стояла посреди комнаты, а в углу сидел мужчина. Он показался мне очень маленьким, но был прекрасно сложен. Одет предельно аккуратно: темно-синий, в елочку, костюм, свежий белый воротничок, красивый галстук — все это казалось даже несколько нереальным в разрушенной Вене. Смотрел он куда-то в одну точку, перед собой, и выглядел совершенно отрешенным: спокойное загорелое лицо — гладкое, чисто выбритое, хотя и несколько одутловатое и уже немолодое; седоватые, коротко стриженные волосы.

Для меня увидеть живого Нижинского было все равно, что увидеть Анну Павлову, — я много слышала о нем, в том числе и от ма-

мы: она описывала мне его фантастический прыжок, рассказывала, каким он был замечательным Арлекином в «Карнавале» Шумана и как Фокин специально для него ставил вариацию; как он танцевал «Павильон Армиды» и фокинское «Видение розы».

Мы подошли к Ромоле и, беседуя, окружили ее. Неожиданно Нижинский поднялся, быстро приблизился к нам и вошел в круг. Я заметила, что у него очень красивая, подтянутая, балетная походка. Он молча пожал каждому руку и, не взглянув ни на кого из нас, вернулся на свое место... Хотелось поговорить, что-нибудь спросить у него, но Ромола остановила: «Вацлав и так сделал самое большое, что мог».

С той поры прошло уже много лет, какие-то детали той поездки стерлись в памяти, но забыть встречу с Нижинским невозможно.

Спустя пять лет Нижинского не станет. Его вдова придет в Москву, они встретятся с Галиной Улановой в Большом театре. Ромола будет говорить о том, что мечтает увидеть вечер, посвященный памяти мужа, здесь, на его родине. То же самое она повторит вновь, зайдя после спектакля за кулисы к Улановой во время гастролей в Нью-Йорке. Однако тогда подвигнуть на это благородное и, казалось бы, само собой разумеющееся дело никого так и не удалось. И по сей день ни в Москве, ни в Ленинграде не состоялся ни один концерт, который освящался бы именем Вацлава Нижинского — гордости отечественного балета. Так, может быть, теперь, в год столетия со дня его рождения, это исполнится? Наверное, было бы справедливо, если бы, придя в Большой или Кировский, мы увидели заветное: «В честь Нижинского».

Марина ЮРЬЕВА.

● В. Нижинский.